

Анна Михалевская

Нездешний

Его взгляд я почувствовал спиной. Оглянулся. Он сидел на лестнице, нахохлившись, как воробей. Рыжий, настороженный, нездешний. Часто моргал. Глаза у него были синие – слишком яркие для этого серого дня, густо заштрихованные, словно небо на детском рисунке.

Отвернулся, поежился. Принялся шарить в карманах в поисках ключа. Не нашел, потянулся позвонить. Но вспомнил, что Наташи нет. Открывать некому. За дверью парадного гроыхнуло, косые струи дождя лупили в разбитое стекло, врвались внутрь, яростно дробясь о ступеньки.

Какой-то оборванец прячется от непогоды. Что тут такого? Я наконец нащупал ключ и ввалился в квартиру, стаскивая с себя дождевик.

– Р-р-разве шляпа стр-р-рашная... – попугай Лис зашелся в радостном стрекоте. Встречал.

Нет, шляпа не была страшной. И удав, проглотивший слона, – тоже. Когда вырастаешь, тебя догоняют вещи куда страшнее. Например, потери близких. Они просто уходят, вежливо попрощавшись, не забыв забрать и твою розу, и твою планету, и тебя самого.

Потоптавшись на пороге, я потер затылок, словно так мог избавиться от ощущения чужого взгляда. И собственной бесполезности.

– Подожди, Лис... – отмахнулся от попугая.

Пацан, наверное, голодный – я стягивал мокрые кроссовки, а мысли разлетались, как капли со шнурков. Заглянул в холодильник, хотя точно помнил, что там есть. Вернее, чего нет. За-

плесневелый сыр, древний кетчуп и огрызок трехдневной булки. С некоторых пор я избегал кухни. По ней до сих пор бродили призраки моих воспоминаний, и нам было тесно. Здесь, на кухне, мы с Наташей суетились, куда-то спешили и не понимали, что счастливы. Качали по ночам Марусю, совсем кроху. Собирали кашу со всех стен, если Марусе она не нравилась. Целовались, забившись в самый дальний угол, когда Маруся подросла и стала среди ночи приходить к нам в спальню. Смотрели, обнявшись, фильмы... Именно здесь, опираясь о стол, Наташа сказала, что уходит. Куда? Зачем? Я не мог понять, не понимаю и сейчас.

Я сварганил скромные бутерброды. Успокаивало лишь то, что похожими за баснословную цену угощают в фойе оперного в антрактах. Не хватало только двух икринок сверху.

В открытую дверь ворвался холодный ветер. Мальчишка все так же сидел на верхней ступеньке пролета, не обращая внимания, как дождь сечет его потертую куртку и сыплет колючие капли за шиворот.

Я поднялся, уселся рядом, протянул бутерброды.

– Хочешь?

Глупый вопрос. Мальчишка выхватил угощение и с жадностью принялся есть. Старше Маруськи, наверное, на года четыре. Вспомнил дочь – и нахлынула тоска. Еще неделю ждать встречи...

Надо бы спросить, куда его отвести. Может, потерялся, в беду попал? Но у меня вырвалось:

– Зовут тебя как?

Мальчишка перестал жевать, испытывающе глянул из-под рыжих ресниц. Вытер руки о куртку.

– Славка, – после долгой паузы сказал он.

– Вячеслав, – я машинально протянул руку для пожатия, но, наткнувшись на непонимающий взгляд, быстро убрал в карман.

И перебирая пальцами крошки, огрызки каких-то записок, щепки, гайки и прочий невидимый хлам карманной вселенной, понял, что имена у нас одинаковые.

Молчали. Мальчишка, не стесняясь, рассматривал меня. Я же стушевался, не зная, чем обязан такому пристальному вниманию. Сейчас попросит сигарет. Или денег. Но он сказал:

– А мяч у тебя есть?

– Мяч?! – я прислушался к беснующейся за окном непогоде. – Мяч? – переспросил я.

– Ну да, погонять в футбол.

– Сейчас!

И я, как дурак, помчался за ключами – в тот момент был уверен: мяч надо принести, и точка. Пока спускался в подвал, пока шарил между коробками, откашливаясь от пыли, пока погружался в культурный слой своего детства и извлекал оттуда сдувшийся мяч, прошло, наверное, немало времени. В общем, когда вернулся, мальчишка исчез.

Я поднялся до последнего четвертого этажа, уперся в чердачную лестницу – и не нашел ни нового знакомого, ни даже следов. А они должны быть. В такой-то дождь!

Оставил мяч на площадке между вторым и первым этажом – там, где мы сидели. Как оставляют еду диким животным.

Долго стоял в проеме, не решаясь закрыть дверь.

Все ждал. Чего? И сам не знал.

Полгода назад я так же смотрел вслед уходящей Наташе. Она крепко держала за руку Марусю, будто боялась, что та убежит. Дочь не выдиралась, лишь оглядывалась – она, как и я, не верила, что это теперь навсегда.

* * *

Майский дождь тарабанил в стекла – просился в дом, как настырный бродяга. Я приоткрыл окно, подставляя лицо отголоскам непогоды. Там, за границей моей холостяцкой берлоги, пахло началом чего-то важного и большого, ожиданием заслуженного, выстраданного у зимы лета, пахло волнением и влюбленностью, испытаниями и верой в победу.

Это все не про меня... Я в сердцах захлопнул створку.

Попугай ара, турецкий друг с французским именем Лис, смерил меня неодобрительным взглядом. Я купил Лиса после недавнего рейса в Стамбуле. Чтобы не возвращаться в пустую квартиру.

Когда спросил, почему она уходит, Наташа сказала, что задыхается. Да, я слишком любил их. В какой-то момент ощутил – мы слиты в одно, один организм. Я давал им то, в чем нуждался

сам. А если не хотели брать, расстраивался. С годами перестал понимать, где заканчиваюсь я и начинаются они. Я не просто потерял семью. Я потерял себя.

Накормил Лиса – ему я корм покупать не забывал. В отличие от своей еды.

Заварил крепкий чай – и, громко сербая, выпил. При девочках себе такого не позволял. С ними хотел быть лучше. Но только все испортил.

Подошел к шкафу. Уставился на пустые вешалки. Окунуться бы в знакомый запах, схватить тонкое запястье жены, погладить длинные пальцы – и никогда, никогда больше их не отпускать.

Вместо этого я взял со стола «Маленького принца» и улегся с книгой на диван. Привык читать Марусе перед сном. Теперь читаю себе.

Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит.

Выхватил строчку и заснул, крепко вцепившись в раскрытую книгу.

* * *

Наутро я нашел мяч на том же месте, где оставил. Внезапно разозлился. Подхватил мяч, подбросил и крутанул на пальце. Странно, еще не забыл, как это делается.

Вышел во двор, тот был мокрым, жалким, облезлым – как угодивший в лужу кот. Мы гуляли с Маруськой в любую погоду. Дождь она любила – и лужи, и грязь, и резиновые сапоги. Но сам... Я не знал, что делать в пропитанном сыростью дворе...

Повинуясь давней привычке, подбросил мяч. Неожиданно легко поймал носком, отыграл любимые финты и забил гол под скамейку. Улыбка далась с трудом. Мышцы сопротивлялись, не желая сдавать статус-кво. Заржавевший, невостребованный долгие месяцы маховик радости, скрипя от натуги, медленно приходил в движение.

А мяч-то целый, вдруг заметил я. Поднял голову и увидел мальчишку. Славка поддел ногой мяч и повел к моим воротам – трухлявому столику, месту посиделок сытых котов и пьяных соседей.

Поначалу хотел поддаться – что ж мне обыгрывать пацана? Но тот шустро обходил меня – разгадывая мои же финты и на ходу придумывая новые. Раз за разом Славка забивал голы в мои подстольные ворота – так что пришлось вспомнить все коронные трюки, чтобы свести матч к ничьей.

Взмокшие, грязные и счастливые, мы сидели на заборе, пытаясь отдышаться. Из недр необъятной куртки Славик вынул бутылку газировки, надпил, протянул мне.

Я сделал глоток, с удовольствием утолив жажду. Посмотрел на этикетку – «Буратино». «Произведено в СССР», – прочитал я.

– Откуда она у тебя?

Вопрос наткнулся на пустоту. Славка исчез, оставив после себя газировку и щемящее чувство утраты. Я отчетливо услышал, как скрежетнув, забуксовал и заглох маховик радости.

И остался один. Снова один.

С досады пнул мяч и забил гол в свои ворота.

Проиграл. Я везде проиграл.

* * *

– Прир-р-ручили! Прир-р-ручили! – без конца повторял Лис.

Мы в ответе за тех, кого приручили, – я довершил в уме сентенцию Экзюпери. А если те, которых приручил, ушли сами? Что тогда?

Надо было сходить в супермаркет. Записаться на медкомиссию перед рейсом. Починить кран. Разобрать подвал. Надо. Раньше знал, ради кого это делаю. Теперь я будто не имел права жить дальше. Будто должен был сперва расплатиться с огромным кредитом, где единицей измерения было чувство вины.

– Славка! – отчетливо сказал Лис.

И было непонятно, кого он зовет – меня или того рыжего мальчишку. И зовет ли вообще – я так и не разобрался в людях, что говорить о попугаях.

– Славка! – настойчиво повторил Лис.

Повинуясь импульсу, я открыл шкаф, вытащил из дальнего угла коробку. Отряхнул пыль. Начал доставать школьные альбомы. Давно их не разглядывал, все было некогда. Навощенная бу-

мага скользила под пальцами. Долго всматривался в лица одноклассников на виньетке, никого не узнавая – даже себя.

Он жил в парадном напротив. Мы часто гоняли в футбол после уроков. И если получалось, до – тоже. В футболе мы были лучшие. И знали об этом. Хорошо ладили. Правда, раз едва не сцепились намертво – он отказался засчитывать мой гол, когда мяч угодил в штангу, хоть я потом отбил его и попал. Пара синяков под глазом – у него и у меня – и спор был решен: ничья. А потом он начал болеть – сердце, астма. Уже не побегаешь. Я гонял мяч сам, пытался найти других ребят. Все не то. В конце концов я отказался от футбола. Хоть очень скучал по мячу. С тех пор мне стали сниться лестницы с провалами вместо ступенек. Я просыпался в поту, постепенно осознавая, что то был сон, и мне не придется прыгать в пропасть.

Плавание, теннис, легкая атлетика, шахматы – перепробовав с десяток секций, я бросил все. Хотел поступать на филологический, но послушал родителей и подал документы в водный. Мечтал о большой семье, а живу с попугаем.

Я все время отказывался от того, что любил. Отказывался от себя. Думал, эта жертва кого-то спасет. Удержит любовь. Но вышло наоборот.

Захлопнул альбом, подняв облачко пыли. Попугай довольно правдоподобно чихнул и важно произнес:

– Взр-р-рослые ничего не понимают сами...

Но я понял! В два счета оказался у двери и распахнул ее прежде, чем услышал звонок.

Он был непривычно серьезен и собран. Куртка застегнута. Рыжие пряди аккуратно зачесаны назад – когда-то давно именно так мама причесывала меня перед экзаменами. В синих глазах плескалось новое и беспокойное.

– Проводи меня, – попросил он.

Нет, не так быстро!

Но не отдавая себе отчета, уже шел за ним по лестнице.

Опустились сумерки, любопытная луна заглядывала в разбитое окно.

Славка легко подхватил мяч. А я ошалело таращился на пролет. Взрослый дядька, моряк с проверенным медкомиссиями

и штормами здоровьем – крепко сжал руку мальчишки. От страха.

Ступеньки между третьим и четвертым этажом исчезли. Вместо них зиял провал из снов – по воздуху плыла легкая рябь, будто над раскаленным асфальтом. Я задрал голову – потолок парадного словно стер ластиком не очень старательный ученик: сквозь штукатурку проступала крыша. А сквозь крышу – небо. Густо заштрихованное.

– Идем! – Славка расплылся в знакомой, давно забытой улыбке.

Под ногами бесконечной лентой бежала вниз лестница, я видел подвал, катакомбы, остовы домов, а лестница все уходила дальше, в мое прошлое. Во все, о чем мечтал, и что осталось там – под землей, так и не выйдя на божий свет.

Славик тянул меня к пропасти, а я топтался на месте, не решаясь сделать шаг.

– Не пройду без тебя, – тихо сказал он. – И ты без меня – разобьешься.

В тот момент я поверил ему. Поверил себе.

Отпустил руку Славки и обнял его – как никогда и никто до этого не обнимал меня. Теперь я знал точно: мы не расстанемся – даже если больше не увидим друг друга.

И ступил в струящийся воздух.

* * *

Пришел в себя, сидя на лестничном пролете второго этажа. Руки дрожали, сжимая сдувшийся мяч. Я помнил все – и рыжего мальчишку, и как шагали через несуществующий пролет, и как посадил его на чердак и долго смотрел в чернильное небо, провозжая глазами мерцающий огонек.

Дома попугай окинул меня многозначительным взглядом и счел за лучшее промолчать.

Куплю новый мяч, пообещал себе, подсыпая корм Лису. И снова начну играть в футбол. Теперь я понимал, почему ушла Наташа. Отказавшись от себя, я хотел заполнить пустоту моими девочками. Но люди – даже самые любимые, тем более: самые

любимые! – не предназначены для того, чтобы затыкать про-
рехи в чужих душах. Это каждый делает сам.

Мне будет не хватать Славки. Парадоксально, но я пока так
мало знаю о нем. Придется почаще смотреться в зеркало. Рыжие
вихры уже не такие густые и глаза с возрастом выцвели. Но улыб-
ка у нас по-прежнему одна на двоих.

Я подбросил мяч, поймал на палец, закрутил. И позволил себе
снова стать мальчишкой. Надо же с чего-то начинать.

